

Тема сисек

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Тема сисек ТЕМА СИСЕК (ГРУСТНОЕ)

Дождливым осенним днём бреду по парку и думаю о тебе. Парк здесь больше похож на лес, да и дождь моросит, так что людей совсем нет, и никто не мешает мне думать печальные свои мысли. Под ногами вороха листьев, но они не шуршат, они совсем мокрые.

Интересно, мы гуляли когда-нибудь вместе по этим тропинкам? Гуляли, наверное, но я этого не помню. Должны были гулять – вы ведь жили совсем рядом с парком, окна на две стороны – во двор и на Белорусскую железную дорогу. Я много раз бывала в вашем доме.

Однажды летом, после практики, мы всей группой зашли к тебе, потому что были близко и потому что дома никого не было. Как всегда, когда собираются студенты, стали пить вино, закусывать бутербродами, и у кого-то родился тост. Дословно не вспомню, но мысль состояла в том, что вот мы тут вместе, и нам хорошо и весело, и друзья, и вино, а там – не всё ли равно, что там? А вот теперь уже вполне дословно: «... и пускай за окном бушует суровая советская действительность!»

Да, никакая действительность не могла помешать нам быть молодыми и счастливыми. И мы были, были!

Ты появилась в нашей группе на втором курсе – перешла с другого потока. То ли поспорилась с кем-то, то ли ещё почему. И как-то сразу мы подружались. Разговаривали. Смеялись. Всё друг про друга знали – про семью и родителей, про дружбы и романы, про встречи и расставания.

Имя было торжественное – Виктория. А сама Вика была маленькая, мне едва до плеча. Относительно широкоплечая и узкобёдрая, с большой красивой грудью. Вика своими сиськами гордилась, и не зря. Это был тот самый случай, когда сначала вплывала грудь, а потом уже показывалось весёлое личико с мелкими чертами, обрамлённое светлыми локонами.

Вика была очень заметна, притягивала взгляды. В неё постоянно влюблялись, иногда мимолётно, чаще – глубоко и серьёзно. Она была не только красива, но и умна – и училась хорошо, и остра была на язычок. С ней всегда было интересно и весело.

На третьем курсе у Вики был роман со студентом из Судана. Черты лица Али были скорее европейские, но кожа – почти черная. Светленькая маленькая Вика и чёрный кудрявый Али были замечательно красивой парой. Многие осуждали – и однокурсники, и преподаватели, особенно немолодые, старой советской закалки. И комсомол напрягался, собрания проводили, «моральный облик», то-сё.

А я видела, что это большая любовь. Настоящая.

И родители Вику поддержали. Они её всегда поддерживали. У них была прекрасная семья. Мама, папа, младший брат Ромка. Вика была любимой старшей дочерью.

Мама – красавица. Папа – умник, весельчак и балагур. На баяне играл после застолья, пел бархатным голосом «Эти глаза напротив».

Был одним из лучших московских акушеров. В этом мне ещё предстояло убедиться. А пока – веселились, праздновали, пели. После праздника Георгий Семёныч неизменно провожал меня до метро – поздний вечер, мало ли кто пристанет, он был заботливым отцом не только своим детям, но и их друзьям.

На пятом курсе Вика вышла замуж, но не за Али, а за Игоря, с которым познакомилась на врачебной практике. А потом родился маленький Гоша. Вика хотела родить много детей, как минимум, трёх. У неё не получилось. Помню, как она расстраивалась из-за этого.

На шестом курсе мы стали видеться реже: я пошла в хирургию, Вика – в терапию, и у нас было разное расписание. Встречались на лекциях по научному коммунизму, они были общими для всех. Общение не прерывалось, конечно, но было уже не таким интенсивным. Разные группы, разные занятия. И у Вики уже семья, сын.

После института и у меня сын появился. Про роды мама заранее договорилась со своим великим сокурсником Заком, которого называла просто Изей. И я даже ездила с ним знакомиться. Мой

сын должен был появиться в самом центре Москвы, на Покровке. А появился на Юго-Западе.

За месяц до предполагаемых родов Георгий Семёныч прокричал в трубку: «Имей в виду, если ты не приедешь рожать ко мне, я смертельно обижусь!» Смертельных обид мне не хотелось, так что я пообещала.

В день икс доктора пришлось оторвать от праздничного стола, но он успел выпить рюмашку и приехал на работу раскрасневшийся и весёлый. В приёмном покое я встретила ординатора-однокурсника, и до сих пор испытываю к нему благодарность за то, что он был со мной все эти несколько часов, которых я почти не помню, но назвать приятными точно не могу.

Утром Георгий Семёныч зашёл в мою палату, когда мне только что принесли Лёву на кормление. «Нифига себе у тебя за ночь сиськи выросли!» – восхищённо сказал великий акушер. А уж он-то сисек повидал.

Время шло, сыновья – мой и Викин – росли, родители потихоньку старились. Мы уехали в эмиграцию, потом вернулись.

Изредка общались по телефону. Потом и это общение прекратилось – городские телефоны поменялись, мобильных ещё не было.

В конце девяностых я случайно от кого-то узнала, что Георгий Семёныч умер. Вроде сердце. Думаю, ему не было и шестидесяти. Найти Вику, чтоб сказать ей важные слова я не смогла.

Когда появились социальные сети, я очень надеялась, что теперь найдёмся, увидимся.

Не вышло. Не выйдет уже никогда! Этим летом я узнала, что тебя больше нет. Давно уже нет. И в этом мире мы не встретимся. Ты так гордилась своими сиськами, а они убили тебя.

Я теперь живу совсем рядом и всё время проезжаю мимо твоего дома. И думаю о тебе.

Ты – молодая – ушла за своим молодым отцом. Где-то там вы сейчас вместе и счастливы.

А я живу. Пока здесь. В своём уютном мирке, где все любимые люди по-прежнему живы. А действительность? Она там, где ей место – за окном. Пусть бушует! Тост стал постепенно моим девизом.

Когда-нибудь мы, наверное, ещё встретимся. Там, где разговоры

– лишние, где имеет значение только любовь.
Зачем я всё это пишу? Это память о хороших людях.
Благодарность за то, что вы были, что судьба свела нас вместе.
И я скучаю!

Надежда ПИКАЛЁВА. Некаýалар